

О ТОВАРИЩЕ ПО ИСКУССТВУ

ГОРЬКИЙ признавался Чехову, что «Дядя Ваня» заставляет думать о «коренном и важном», ибо чеховская драматургия поднимает человека «от реальности до философских обобщений». Эти горьковские слова сопутствовали мне в работе над «Дядей Ваней», они выражают и мои пожелания современной драматургии, мои актерские мечты. Бытовизм, заурядность, обыденность характеров, всяческая иллюстративность кажутся мне скучными, мало плодотворными для нашего искусства.

Недавно в журнале «Дружба народов» за май месяц я встретил пьесу молдавского писателя Иона Друзэ «Каса маре». Читая пьесу, я пожалел, что для меня лично там нет роли. Но, несмотря на это, я называю ее «своей», ибо она близка моей творческой мечте и сценическим устремлениям. Близка подлинной современностью образов, высоким этическим пафосом, самой ав-

◇
М. РОМАНОВ,
народный артист СССР
◇

торской манерой, полной юмора и доброй улыбки, и, наконец, прекрасным выразительным языком.

Могут спросить: в чем же эта современность пьесы Друзэ, если речь здесь идет о «вечной», общечеловеческой теме любви между людьми разного возраста? Ведь это уже было, встречалось и прежде в литературе и на театре... Но в «Каса маре» «вечная» тема осмысливается и решается по-современному, современным советским писателем. Это осмысление и есть то, пользуясь горьковскими словами, «коренное и важное», что составляет притягательную силу пьесы Друзэ.

Пьеса Иона Друзэ не столько драма большой любви, сколько рассказ о прекрасной человеческой личности с ее современным пониманием жизни «по совести». В героине пьесы колхознице Василице воплощены прекрасные черты человека нового общества. Василица судит чужие и свои поступки единой высокой мерой. Совесть для нее — основа жизни и основа любви. Такая

любовь благородна и действенна, поэтому она и может увести бесшабашного Павэлаке от пьянок и гулянок к настоящей, честной жизни.

Можно было бы осудить автора, заставившего Василицу, мать взрослого сына, отказать от любимого. Но, мне кажется, драматург и здесь прав: в характере его героини абсолютная честность и мужественная правдивость, повелевающие прямо смотреть в лицо жизни. Счастье, купленное ценою сговора с собственной совестью, было бы для нее неполным, «неправильным» и потому — невозможным. А разве это не подлинное проявление нашей морали?

Произведение Друзэ кажется мне глубоко национальным. Образ «Каса маре» — «большой» комнаты, горницы, светлицы в доме молдавского крестьянина выступает лейтмотивом действия. Образ глубоко символичен — он символизирует душевную чистоту и «убранство», святая святых человека. Но это не мелкое, чистоплебское, эгоистическое душевное благоустройство мещан, которым некогда похвалялась Кукушкина из «Доходного места» Островского: «У меня чистота, у меня порядок...» Это — красота большой души, откуда щедро исходят свет и тепло.

Подобно тому, как у Корнейчука дело вовсе не в плахтах, вышитых сорочках,

молодецких чубах и «запорожских» усах, а в передаче черт украинского характера, украинского юмора, склада мышления и речи, так и у Друзэ национальное показано в самой своей сути. Лишенная внешних украшательств в виде псевдонародных словечек и присловий, «этнографических» песен и плясок, с помощью которых иные драматурги тешатся передать «национальный колорит», пьеса Друзэ ярко рисует народный характер современного молдаванина — поэтический, вольнолюбивый, справедливый и гордый.

Пьеса Друзэ глубока, «многосложна», она волнует воображение, будит творческую мысль. Чтобы полно выразить на сцене цельные характеры ее героев, нужно много знать и понимать в жизни и в психологии современных советских людей. Каждый образ интересен, значителен по-своему. Вот, например, бригадир Петре, фронтовой друг погибшего мужа Василицы, с его рассказом о потерянном письме. Какая выразительная психологическая деталь: Петре каждый раз «вспоминает» новые строки из письма, которые могут помочь Василице, поддержать ее. Она, конечно, знает, что письма не было, но дружеская доброта Петре, его участие делают ее сильнее.

И еще одно привлекательное качество «Каса маре» — изящество драматурги-

ческой формы, соразмерность ее архитектоники, сценичность — свидетельство умения и мастерства, о чем мы все сейчас так справедливо заботимся.

Пьеса Друзэ, несомненно, вызовет творческие споры, столкновения разных точек зрения, критические суждения. Это хорошо! Ведь все мы, актеры и режиссеры старшего поколения, с благодарностью вспоминаем плодотворные, горячие споры и дискуссии вокруг пьес Луначарского и Афиногенова, Ромашова и Вишневого. Как много дали они нашему искусству!

Я не собирался писать подробную, обстоятельную рецензию. Конечно, мои замечания неполны, отрывочны: может быть, они носят отчасти «прикладной», «театральный» характер. Это было бы не мудро: мне хочется самому поставить «Каса маре» в нашем киевском Театре русской драмы имени Леси Украинки. У директора театра актера В. И. Мягкого я встретил понимание и поддержку. И как режиссер, я уже вижу распределение ролей, какие-то моменты будущего спектакля...

Художник, в каком бы виде и жанре искусства он ни работал, не одинок, — у него всегда есть товарищи, друзья в искусстве, которые ищут и добиваются тех же целей. Такого товарища я с радостью и надеждой почувствовал в молдавском писателе Ионе Друзэ.

203